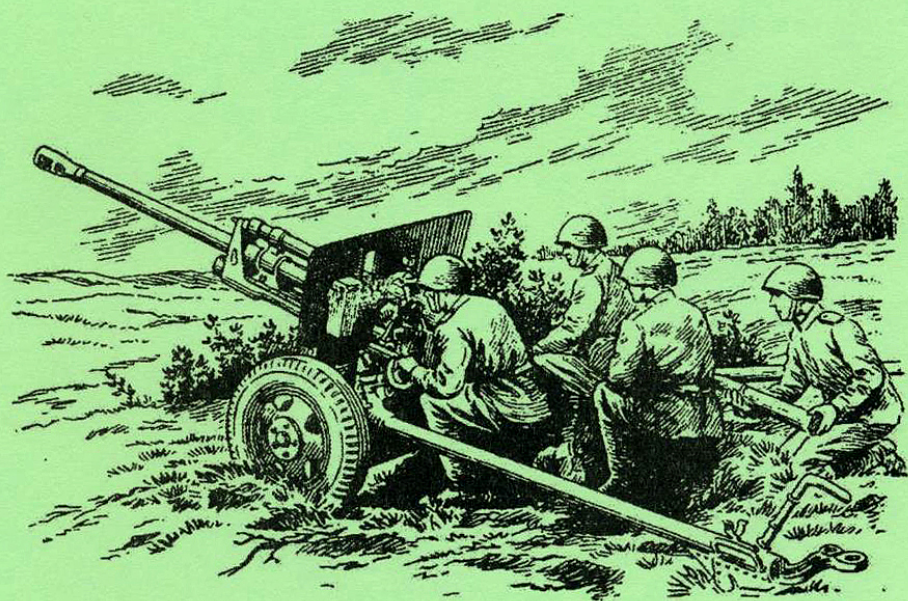

ВОЙНА ПОБЕДА ПАМЯТЬ

Департамент культуры Минобороны России
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

**ВОЙНА
ПОБЕДА
ПАМЯТЬ**
СТИХИ

Санкт-Петербург

ББК 84.5
В 65

© ВИМАИВиВС, 2020

Вот уже 75 лет отделяют нас от Великой Победы. Все дальше уходит она, все меньше остается ветеранов. Но по-прежнему жива память...

Нет в России семьи, через которую тяжелой и неутраченной болью не прошла бы война. Бережно хранятся в семьях потускневшие фотографии, ордена и медали, скорбные «похоронки»... Это – память о наших дедах, отцах, братьях, вступивших в смертельную схватку с фашизмом. Память, которую каждый из нас свято обязан беречь в своем сердце.

Одним из хранилищ бесценных боевых реликвий, в том числе связанных с событиями Великой Отечественной войны, является Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Еще в суровые военные годы стали поступать в музей образцы оружия, фотографии и документы, связанные с героической борьбой нашего народа с гитлеровскими захватчиками. Поступают такие реликвии и до сих пор...

По-разному можно воздать дань памяти павшим. Для нас, музейщиков, это прежде всего – сохранение военно-исторических памятников, правдивый рассказ о них. Все меньше среди нас фронтовиков, но их дух живет в стенах музея.

Но память может находить выражение и в стихах. Пример тому – представляемый читателям сборник стихов сотрудников музея, посвященный 75-летию Великой Победы. Память объединила всех – от зрителей до научных сотрудников. Эти стихи – стихи не профессиональных поэтов. Но в них нашли достойное отражение боль и скорбь потерь, радость Победы.

Интересной особенностью многих стихов является то, что они посвящены сотрудникам музея – погибшему в годы блокады А.С. Самрякову, работавшим в послевоенные годы в музее О.П. Григорьеву, Т.В. Новиковой...

Представляемый читателю сборник – также дань памяти и уважения замечательным людям, офицерам и музейщикам – Виталию Ефимовичу Гуманову (1930–2003), Юрию Николаевичу Гуляеву (1938–1999), Борису Алексеевичу Копаневу (1940–2009), многие годы отдавшим музею.

Этот сборник посвящается всем, в тяжелейшую годину войны отстоявшим наше Отечество. Вечная им слава!

***Директор Военно-исторического музея
артиллерии, инженерных войск и войск связи
Заслуженный работник культуры
Российской Федерации,
доктор исторических наук
В.М. КРЫЛОВ***

Юрий Гуляев

БАЛЛАДА ОБ АРТИЛЛЕРИЙСКОМ МУЗЕЕ

Под сенью веков шелестели страницы,
Знамена честь русских полков берегли.
Ушедших героев встречают здесь лица
И гордость, и слава российской земли.

Припев:

Родной наш музей, мы гордимся тобою,
Душою и сердцем к тебе приросли.
Для нас навсегда стал единой судьбою
Твой каменный символ родимой земли.

Здесь пушки и ружья стоят в карауле,
Традиции свято века стерегут.
Туристы Парижа, Берлина, Сеула
О подвигах россос от нас узнают.

О том, как сражались полки за Россию,
Суворов с Кутузовым в бой их вели,
Как флаг над рейхстагом они водрузили,
Расскажем в музее посланцам Земли.

Припев.

Сегодня опять мы встречаем героев –
Седых ветеранов минувших боев.
На праздник музея несут они снова
Свою благодарность, цветы и любовь.

Припев.

РОМАНС РУССКОГО ОФИЦЕРА

В сраженьях за веру и Русь умирали
Дворянская честь, офицерский мундир.
Надежнее честного слова не знали:
Перчатка и шпага, девиз и кумир.

О, где вы, далекие юные годы
Наивных надежд, дуэлей и ран?
Свою потеряли любовь и свободу,
В застольях сменили бокал на стакан.

Вдали от России, Тверской и Сенатской,
Рябин и берез, священных могил,
В полях Елисейских, бульварах белградских
И воздух, и говор чужбины не мил...

Здесь звезды другие, бессонные ночи,
В коротком забытьи – Россия в дыму.
Дороги крутые стали короче,
Дороги в забвенье, дороги во тьму...

Два выцветших фото – и радость, и благо,
Потерь и ударов за годы не счесть.
Но святы по-прежнему старая шпага,
Мундир офицерский, дворянская честь!..

Виталий Туманов

БОМБАРДИРЫ РОССИЙСКИЕ

В веках прославлен род
Российских бомбардиров,
Писали залпы их
Историю страны,
В походах и трудах
Солдат и командиров
Ковал характер свой
Суровый Бог войны.

Мортиры подвезли
Под стены крепостные
И по дорогам русским
Идет Большая Рать.
Так значит Бог войны
За Родину – Россию,
За русский наш народ
Собрался постоять,
Пошел окно
В Европу прорубать.

Вращался шар земной
Столетье за столетьем,
С отчизною своею
И Бог войны мужал.
Родные рубежи
В годину лихолетья
С востока и с заката
Надежно ограждал.

«Аврора» подошла
Под стены крепостные,
Из главного калибра
Ударил канонир.
От векового сна

Воспрянула Россия,
И вздрогнул удивленный
И обновленный мир.

Запомнила страна,
Как встали в Сорок Первом
Сорокопятки против
Грохочущих армад.
Оплавились стволы,
Но выдержали нервы
Артиллеристов русских,
Комбатов и солдат.

Горели города,
Сама земля горела,
Железные лавины
Катили на восток,
К священным рубежам
Рвались остервенело,
Но встали бомбардиры,
Сказали танкам: «Стоп!».

Когда фашистский зверь
Ощеривался грозно
И на пути к Победе
Вставал за валом вал,
Под Оршу и под Брест,
Под Кенигсберг и Познань
Дивизии прорыва
Верховный собирал.

Мы к Польше подошли
Под стены крепостные,
И главные калибры
Работают опять.
Так значит Бог войны
Не только за Россию,
А за Европу тоже
Собрался постоять,

От нечисти планету
Собрался очищать.

Громили артолки
Фортиции и доты,
В тевтонские твердыни
Вгоня русский клин,
Обломками от них
Для матушки-пехоты
Победную мостили
Дорогу на Берлин.

Россия подошла
Под древние столицы –
Под Будапешт и Вену,
Под Прагу и Берлин.
Печальны и светлы
Артиллеристов лица,
На площадях Победы
Восставших из былин.
Солдатской славе
Памятник один.

Закончились бои,
И корпуса прорыва
На зимние квартиры
От крепостей ушли.
Распаханы валы,
Шумит над ними нива,
Воронки и окопы
Травой заросли.

Мы бережно храним
Заветы вековые.
Чтобы Отчизне нашей
Покойно было жить,
В любой момент готовы
Снаряды боевые
Надежно, быстро, точно
На цели положить!

* * *

Сегодня праздник всех мужчин,
Хотя не все они солдаты,
Но встанут дружно как один
В защиту мира, как когда-то.

Но лучше думать всем о мире,
Работать, строить, наконец,
Произвести ремонт в квартире
И помнить, что ты муж, отец!

И вместо боевой награды
Мы вам желаем от души
Медаль на грудь – из шоколада,
И соловьев в ночной тиши.

Чтобы трудились вы на славу,
Ведь нам так хочется опять,
Чтобы Великою Державой
Россию стали называть.

Здоровья, долгие вам годы,
России верные сыны!
Пусть даже будут и невзгоды,
Лишь только б не было войны.

Борис Копанев

* * *

Я верю, что наступят времена
И снова будет армия сильна:
Под шелест боевых ее знамен
Идут за батальоном батальон,

И музыка военная плывет... -
То Армия Советская идет!
Идет не на войну, а на парад...
До этого дожить я был бы рад!..

Ирина Ушанова

ЭХО ВОЙНЫ

Все реже ряды ветеранов,
Все глуше медалей звон,
Но ноют по-прежнему раны
С далеких военных времен.

Но эха войны отголоски
На нашей планете слышны.
В солдатской шинели неброской
С фашизмом расправились мы!

Серебряный иней ложится
На выцветший пьедестал,
Чтоб летописи страницы
Вновь кто-то перелистал...

БОЛЬ ВОЙНЫ

*Моему отцу, С.М. Коновалову,
посвящая*

У моего отца заныли раны,
А я не знаю – боль какая в них?
«То боль войны, – он отвечал упрямо, –
То боль друзей, оставшихся в живых».

Он был угрюм... Курил без остановки,
И фото то и дело доставал,
И всем нам в сотый раз пересказал,
О том, как всю войну прошел с винтовкой.

И слезы набегали на глаза,
Когда отец мой, кулаки сжимая,
Нам об однополчанах рассказал,
О том, как их посмертно награждали...

Рождался день... Остаток ночи таял
В объятьях наступившей тишины...
Отца уж нет, но боль войны – живая...
Мой тост – за то, чтоб не было войны!

* * *

Август Сорок первого года,
Золотая листва звенит.
Но над миром нависла угроза,
И в Алабино полк стоит.

Содрогнулась листва от взрыва,
Заглушая осенний звон,
Птичьим гомоном огласилось
Лихолетье в краю родном...

Смерть косила под Сталинградом,
Дым пожарищ стоял стеной...
Мы громили врага нещадно
Под Диканькой и под Москвой,

И от Венгрии и до Праги
Славный полк, наступая, шел,
Поднимался в атаку Бардин,
Отдавал приказ Кулешов...

Прочь фашистов гнала «катюша»
Мимо выжженных деревень,
Наводила на немцев ужас
Беспощадной мстью своей!

В городах стоятobelisks,
Первый иней цветы морозит...
На суровых каменных плитах
Еле видно: «Шмелев... Рогозин...».

А в Алабино снова осень,
Лес в задумчивости стоит...
О войне, если кто-нибудь спросит –
Мы ответим: Ничто не забыто,
И никто на земле не забыт!

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Об этом не спорят,
Об этом молчат,
О скорби великой
Сердца лишь стучат.

У братской могилы,
На самом краю,
Молчаньем почти
Всех, погибших в бою!

От ран истекавших,
От голода павших,
Отца потерявших
И мамы не знавших...

За всех, кто себя
Не щадил в этой схватке –
Склонись над могилою
Общею, братской!

САЛАСПИЛС

Над землей встала дыбом плита,
Чтоб склонить нашу голову низко,
Чтобы почесть погибшим воздать,
Тем, кого не сломили фашисты.

Здесь униженная, с колен
Поднимается мать с ребенком.
В ее взгляде – страдание, плен,
Как безмолвный ответ потомкам.

И бараки, бараки кругом
Черной проволокой обвиты,
И, как сердце, стучит метроном:
«Здесь никто и ничто не забыто!».

НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ

В дыму, в огне, в кошмарном сне,
Где пули яростно свистят,
Где слезы горестно блестят,
Где воронье одно кружит,

Где смерть с косою сторожит,
Где все смешалось, как в аду,
Где стоны раненых, в бреду,
И взрывы, страх, и плач детей,
Где сотни, тысячи смертей!
Где есть у каждого мечта,
Судьба своя и высота...
Здесь, на войне, солгать нельзя!
Плечом к плечу. Глаза в глаза.
Победа здесь одна на всех
Как искупление за грех...

И через столько лет спустя
Все так же журавли летят,
Курлыча нежно по весне,
Как память сердца о войне.

МЕДАЛИ

Едины, как будто солдаты,
Как ждут они майскую дату!
Чтоб снова в ладони их взяли,
Чтоб прошлый век с нашим связали,

Чтоб слиться в объятиях вместе
И вспомнить солдатские песни!
Об этом полвека мечтали
Военной эпохи медали!

СОЛДАТ- ОСВОБОДИТЕЛЬ

Седая пыль ложится на стволы,
И память вновь уносит нас куда-то...
Мы помнить об одном всегда должны –
Что мы в долгу у нашего солдата!

О, сколько их! Не вспомнить поименно
Героев отгремевшей той войны...
Стоит в цветах Иван Андреич Флеров
Среди музейной нашей тишины,

А со стены на повзрослевших внуков
Взирает легендарный маршал Жуков.
Наброшена шинель на плечи просто –
Над картою склонился Рокоссовский...

И как не вспомнить о солдатской доле?
Был риск велик, но полз минер по полю,
И полз связист сквозь дым, огонь и грязь –
Была необходима фронту связь!

Бойцы тех лет любили песню слушать
Про девушку по имени Катюша
И с ней громили грозного врага.
Была «Катюша» многим дорога!

И крепла вера у людей в душе:
Не сломлен дух ни голодом, ни стужей,
К ногам освободителя оружие
И все знамена брошены уже!

Парад на главной площади страны –
Такую мощь беречь нам надо свято!
Мы помнить об одном всегда должны –
Что мы в долгу у нашего солдата!

* * *

Отгремели военные грозы,
Вновь земля в ожиданьи весны,
Но роняют прозрачные слезы
Три березки среди тишины.

Гром весенний, дождями пропахший,
Не тревожит вернувшихся птиц.
Три березки молчат о вчерашнем
И не прячут заплаканных лиц.

Та пора уж давно отшумела,
Но, как прежде, потянет дымком –
Три березки, все в платьлицах белых,
Вслед зеленым помашут платком.

Григорий Ласковый

ГОРЖУСЬ ВАШИМ ПОДВИГОМ

Лениво плывет над Амуром луна,
Тайга под луной серебрится.
На нашу границу легла тишина,
И только чекистам не спится.

У озера мирно застава стоит,
Там службу несут молодые солдаты.
Солдатская воля крепка как гранит,—
Отчизне любимой верны они свято.

В ту ночь, как всегда, уходили наряды,
Советской страны охраняя покой.
А с той стороны хунвэйбинов отряды
Готовились дать пограничникам бой.

И Стрельников вышел навстречу незваным
Как гордый хозяин великой страны,
И вмиг поднялась по тревоге застава:
Приказу Отчизны солдаты верны.

Бандитский налет был внезапным, коварным,
Летели снаряды и мины рвались,
В смертельную схватку вступили ребята,
В неравном бою по-геройски дрались,

Начальник заставы погиб на глазах,
В огне полыхает весь остров Даманский.
И боем командовать стал в первый раз
Отважный чекист – комсомолец Бабанский.

И пусть даже силы неравными были,
Редели ряды пограничников наших,
Но все же не дрогнули, не отступили:
Живые дрались за себя и за павших.

С соседней заставы на отзвуки боя
Бубенин стремительно двинул наряд.
Пришли пограничники братьям на помощь
И банду убийц повернули назад.

Советский народ не забудет ваш подвиг,
Кто грудью стоял у родных рубежей.
И память о павших героях границы
Навек сохранится в сердцах у людей.

Я тоже, как воин границы в запасе,
Горжусь вашим подвигом, братья мои,
И если мне Родина только прикажет,
Я снова надену погоны свои.

Виктор Малышев

ПАМЯТИ ОТЦА

Горит в ночи окно у ветерана
И скорой помощи щемящий вой...
Открылась в сердце его рана,
Когда-то нанесенная войной.

Он был атлантом Ленинграда,
Любимой Родине служа.
И выстрадал все дни блокады,
Врага зенитками держа.

Давно война отгрохотала,
Оокопы заросли травой,
Лишь в монументах из металла
Солдаты заслоняют нас собой.

К отцу заехал в воскресенье.
О пустяках ему трещал
И пригласил на день рожденья.
Он улыбался, обещал...

Во вторник был мой день рожденья,
И к вечеру я папу ждал.
Он умер в пять, в одно мгновенье,
А я навеки опоздал...

Валерия Морозова

О ВОЙНЕ

О сыне

Нам никогда не стать другими.
Откуда невесть, но всплыла
неумолимою богиней
Война,
Которая
Была.

Мой крик до неба не донесся.
Я буду жить. Пусть и крещен,
мой сын, от роду восемь весен,
во мне нуждается еще.

Пусть иногда слабеют ноги –
уже сейчас лежат на мне
все восемь осеней тревоги
о Некой
Будущей
Войне.

Я время намеренно в речь облекла
и отшлифовала до глади стекла.

Я в зале, где люди и выходов нет,
где нет категорий «снаружи» и «вне».

И залу и мне – две задачи под стать:
не слушать нельзя и нельзя не читать.

Мой голос был острым и злым,
как кристалл,
я резкость смягчала, читая с листа.

Читала о том, что томило сильней:
о Памяти, Бабушке, Доме, Войне,
о непостижимом – и самом простом,
о том, что сейчас и о том, что потом.

И зал замирал и страшился острот,
которые гранями ранили рот.

Так речь обнажает всю суть без стыда:
слова на губах кровоточат тогда.
Был зал разнопланов. Но в этот момент
он руки с платками протягивал мне.

Это Блокада

Моя мама ушла в магазин –
И день, и второй –
ее нет.
Без счету промчалось зим
и ровно столько же лет.

Не отзывалась мать.
молчал радиоэфир,
и что-нибудь начинать
взамен принимался мир.

И где я ни очутись,
но маму –
с ее виной –
уже не зову почти,
сползая вдоль стен спиной.

След вел, но к чужим домам.
Петлял, рисунок менял.
А мама идет, все купила; мам,
ну где ты найдёшь меня?

Все время на слух – а вдруг!
сквозь время –
ему всё равно –
я сумку приму из усталых рук –
хлеб и вино.

И это – Блокада

Я не смогла.
Блокада меня сломала.
Даже сейчас,
по прошествии стольких лет,
кажется мне: кто-то ест
ненормально мало
и оставляет крошево
на столе.

За эту войну не вполне отомщен
кто умер и тот, кто не умер еще.
Я мертвым не верю. Но спать не могу –
горит мой вагон по дороге на Мгу.

Война

Такие гуляют ветры –
колос полег в полях.
Пали – труха по центру –
столетние тополя.

Ходят часы, да только
такая деревня, что
лет не прошло нисколько,
старше не стал никто.

Что тебе дать, Европа,
в память о битве рас:
пару болотных тропок?
пару немецких фраз?

...Вот мы, рядовые военные вдовы,
мы все с фотоснимков, из писем на фронт;
все в той же одежде, и горькие проводы
обрезал, как лезвием, горизонт.
Колхоз не сколочен, навес не приделан,
обоз деревянным поет колесом.
Мы снова живем, довоенные девы,
и так же над полем наш хор невесом.
Забывтое время – немилость и милость;
ворона хрипит на острове трубы.
Такая деревня, что все сохранилось:
обыкновенный
военный
быт.

Письмо из войны

Размеренно щелкает счетчик
для послевоенных людей:
с годами проявлены четче
побочные стороны дел.

Во сне, накрывающем плавно,
письмо получу – и замру.
Не вскрою –
ведь это не главное.
Всего лишь движение рук.

Конверт перемят и захватан.
У смыслов бессрочный лимит:
война не во всем виновата,
победа потерь не затмит.

Живая, живая, но все же
ведь я – только внучка войны.
Конверт в дальний ящик положен.

...Все знаю о чувстве вины.

Евгений Юркевич

БАЛЛАДА О МУЗЕЙНОМ ХРАНИТЕЛЕ

*Светлой памяти ученого хранителя
Артиллерийского исторического музея
А.С. Самрякова*

Он шел каждый день, как в святую обитель,
Как в храм, как в святилище русских побед.
Он шел на работу – музейный хранитель –
Почетней в музее профессии нет...

Войны черный смерч над странюю метался,
Давно эшелоны ушли на восток,
А старый хранитель в музее остался –
Оставить его и уехать – не смог...

Пусть стены от взрывов не раз сотрясало,
И Кронверк терзал за налетом налет,
Ходил, как и прежде, хранитель по залам,
Музей охраняя от бед и невзгод...

Блокада плела свои черные нити,
Январская стужа коробила лед,
И умер от голода старый хранитель,
Единственный раз не закончив обход...

Товарищи! Головы низко склоните,
Пусть память вам души огнем обожжет!
Он с нами незримо, тот старый хранитель,
И сердцем своим он музей бережет...

¹ Самряков Алексей Сергеевич (1884–1942), ученый хранитель отдела истории артиллерии Артиллерийского Исторического Музея, старейший хранитель, ветеран музея. Входил в состав ленинградской команды АИМ. Умер от голода в январе 1942 г., охраняя оставшееся в Ленинграде музейное имущество.

* * *

*Дважды Герою Советского Союза
генерал-полковнику артиллерии
Василию Степановичу Петрову*

Когда леса в огне листву теряли
Иль кровь багрила белые снега,
Не раз он со своими пушкарями
Вставал стеною на пути врага,

Огнем своих орудий танки жаля,
Твердя команд прерывисто слова,
Заправив под ремень, чтоб не мешали,
Пустые гимнастерки рукава...

Лишь иногда, во сне, когда ночами
Не висло в дымном воздухе «Ура!»
И пушки зачехленные молчали,
Он видел бой на берегу Днепра,

Когда еще и руки были целы,
И многие из тех, кто пал в огне,
Когда он встал, израненный, к прицелу
И танки жег с крестами на броне...

А после – приговор врачей суровый,
И на груди звезда горит – герой!..
Но лично разрешил ему Верховный
Чтоб немцев бить, вернуться снова в строй!

В дрожь бросило прорвавшихся фашистов,
Когда на них, шагая впереди
Он лично сам своих артиллеристов
Три раза в рукопашную водил!

Горели танки, черный дым вздымая,
В огне боев мелькала череда,
И грудь его украсила вторая
Из золота отлитая звезда...

Прошла война... Но, тверд, немногословен,
К себе без снисхождения суров,
Болезнями и ранами не сломлен,
В строю остался генерал Петров...

Судьба его трудна – не для плаката,
Но в ней слились сквозь долгой жизни дни
Незыблемое мужество солдата
И дух, что крепче танковой брони.

Пути его простой не смеришь мерой,
И в мире нет другой судьбы такой.
Да будет он для каждого примером –
Герой-Солдат и Человек-Герой!

МАЛЬЧИШКА С ПУЛКОВСКИХ ВЫСОТ

*Маршалу артиллерии
Владимиру Михайловичу Михалкину*

Он знал, что в вихре фронтовом не вечен,
Четырнадцатилетний сорванец,
Но он – солдат, он нынче – артразведчик,
Он – Пулковских высот простой боец!

Он видел смерть, как черную лавину,
Собою подминавшую сердца,
Но никогда не прятался за спину
И звезды генеральские отца.

Был каждый новый день ему наградой,
Когда войска вперед, на Запад шли,
И он прошел войну от Ленинграда
До чешской, кровью политой, земли...

Войны утихла огненная лава,
Осталась только в памяти беда...
А дальше были – служба в Первом ЛАУ
И в славной Академии года.

И снова – гарнизоны, смотры, стрельбы –
Обычные солдатские труды,
Сожженное Афганистана небо...
Итог – сиянье Маршальской звезды...

А в памяти все яростней и резче
С годами давний образ предстает –
Войны сполна хлебнувший артразведчик –
Солдат-мальчишка с Пулковских высот...

ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!..

Светлой памяти К. Воробьева.

Вот, пришли мы – в бинтах и ранах,
Без ремней, без петлиц, босые,
В гимнастерках кровавых, драных –
Воины проклятые России...

Долго жили мы, умирая,
И брели по земле спаленной,
И дошли, наконец, до рая
Многотысячною колонной...

Мы пришли к Тебе, Боже Правый,
Словно блудные злые дети,
Не увенчаны бранной славой –
Пленных славою не отметят...

² Воробьев Константин Дмитриевич (1919–1975) – русский советский писатель. В 1941 г. в составе Московского пехотного училища им. Верховного Совета РСФСР принимал участие в битве за Москву, под Клином раненным попал в плен. Содержался в Ржевском, Каунасском, Саласпилском, Шяуляйском лагерях военнопленных. Дважды бежал. В 1943–1944 гг. был командиром партизанской группы в составе партизанского отряда в Литве. После войны жил в Литве, занимаясь литературной деятельностью. Автор повестей «Убиты под Москвой», «Крик», «Это мы, Господи», «Сказание о моем ровеснике» и др.

Мы попадаем на колени –
Сил стоять от голода нету...
Ты прими нас в райских селеньях,
Не гневись Ты на просьбу эту!..

Будем жить мы жизнью простою,
Как велят нам Устава строки,
Мы бараки себе построим,
Мы проложим в раю дороги,

Мы пшеницей засеем небо –
Будет лучшее в мире поле!..
Нам бы только воды и хлеба,
Остальное – Твоя уж воля...

А не примешь Ты нас – не надо,
Мы не будем на то в обиде...
Плен немецкий – страшнее ада.
А в аду – поживем – увидим...

* * *

О.П. Григорьеву

Копилка погасла, и хлеба – ни грамма,
И нечем «буржуйку» уже растопить.
А в комнате – мертвые папа и мама,
И мне лишь немного осталось прожить...

Я чувствую – сердце колотится редко,
И страх уж ушел из замерзшей души...
И вдруг в нашу комнату входит соседка,
Подходит ко мне и меня тормошит:

«Скорей одевайся! Без хлеба и в холод
Ты выжить не сможешь один никогда.
Ты помнишь свою музыкальную школу?
Там детский приемник. Иди-ка туда».

Я вышел, шатаясь от злобного ветра
И спазмов голодных тягучих прыжков.
От дома до школы – четыреста метров.
А сколько же это ребячьих шажков?

Короткий тот путь от могилы к спасенью
Спокойно пройти не могу и теперь.
Ввалился я, падая, в школьные сени,
С трудом распахнув тяжеленную дверь...

И в чувство меня привели, накормили,
Голодные сами, как я, доктора.
Ах, как же страдальчески-страшны мы были,
Суровой блокадной поры детвора...

Года пролетели, но пульс Ленинграда
Стучит в моем сердце блокадной судьбой,
Хоть внуки, великая жизни отрада,
Уж старше, чем я той проклятой зимой...

Но мысль мою душу предательски гложет,
Саднит, будто в ране осколок стекла:
А если б соседка пришла чуть попозже?
А если бы школа чуть дальше была?..

* * *

Т.В. Новиковой

Я мало помню: холод, тишина,
Метель сухая завывает тонко.
Блокада. Голод. Трупы. Снег. Война –
Осколки зыбкой памяти ребенка...

Прошли года, я все пережила,
Лишь в снах ко мне блокада возвращалась.
А рыбу есть я долго не могла –
Она мне человечинной казалась...

«ПРОРЫВ БЛОКАДЫ»

Н.А. Дюковой

Удара снарядного страшную силу
Земля приняла, как кровавый исход.
«Девчонки! У нас же билеты на «Сильву»!
Неужто пропали? Опять арталет!

Так что же – фашисту подарим билеты?
И нам ли от каждого взрыва дрожать?
Неужто обстрел нам важней оперетты?
К началу успеем еще добежать!».

На улице шум. Оцепление всюду.
«В убежище всем!» – то и дело кричат.
Такую «блокаду» прорвать будет трудно
Испуганной стайке голодных девчат!

«Прорвемся, подруги, не вешайте носа!».
Но вдруг перед нами милиционер.
«В убежище, быстро, без лишних вопросов.
Опять закатили фашисты концерт!».

И делая вид, что, мол, знаем, как надо,
Глаза – чтоб не выдали – вниз опустив,
Бежим в переулок с убежищем рядом –
Убежище мы и потом навестим!

Над городом черные вихри метались,
Дома в леденящем ознобе трясло.
Мы раза четыре едва не попались,
Но все же прорваться смогли – пронесло...

Немецкие нас не пугали снаряды –
Искусство сильнее, чем голод и смерть.
Так в сорок втором «прорывали блокаду»
У нас в ремеслухе, чтоб в театр успеть...

ПОДУШКА

Н.А. Дюковой

Когда смеются над худым: «Дистрофик!» –
Мне тяжело, я опускаю взгляд.
Я вспоминаю запах льда и крови,
Заснеженный блокадный Ленинград,

Когда весна едва входила в силу,
А город полон был живых теней,
Спокойно смерть дистрофиков косила,
И я едва-едва боролся с ней...

Беснуется блокадная стихия...
Я в комнате, как труп живой, лежал,
А рядышком сидела дистрофия,
От нетерпенья яростно дрожа...

Она ко мне свои тянула руки,
Вся в отблесках холодного огня,
И скалилась, сипела от натуги,
Не в силах дотянуться до меня...

Сидеть, смотреть, как умирают дети,
Любила до безумия она...
Но оказалась все ж сильнее смерти
Та первая блокадная весна...

И вот, однажды, черный рот разинув,
В полубреду от напряженья сил
Подушку я немного с места сдвинул,
Сам не поверив в то, что совершил...

А в голове стучало и шумело,
Я чувствовал, как дрожь меня трясет,
Но смерти страшный взгляд я встретил смело:
Я ясно понял: Выживу, и все!

Нет, не припомнить мне счастливей мига:
В бессильи смерть кружилась надо мной,
А я подушку по кровати двигал
Иссохшею, дрожащею рукой...

Сказать мне могут: краски, мол, сгущаю –
Подушку сдвинуть – экие дела!
Но я-то каждой клеткой тела знаю,
Насколько та подушка тяжела...

Пусть рассмеются мне в лицо иные,
Но я скажу, ни капли не соврав:
Я победил подушкой дистрофию,
Я победил, подушкой смерть поправ!

И пусть в музее рядом с танком, пушкой
Что Ленинград не дали взять врагу,
Лежит и та блокадная подушка,
Жизнь спасшая в блокаду пареньку!..

ДЖУЛЬБАРС

Светлой памяти С.М. Чибисовой

Тревога, тревога... Ну что же, блокада...
Разрывов тяжелых доносится бас...
Ах, что же поделать? Спасите, ребята!
От голода мой умирает Джульбарс!

Овчарка прекрасная! В грудях развалин
Не раз находила она тех, кто жив...
А ныне – от голода встанет едва ли...
В глазах – только крик полумертвой души...

И в те времена, когда мерли без счета,
Считая дорогу в шагах, не в верстах,
Вот в эти-то дни – за съедобное что-то
Джульбарс был в милицию отдан... Итак...

Он нес свою службу – ни шатко, ни валко,
Голодных бойцов выручая не раз...
Спасибо тебе, добрый друг наш, овчарка,
Блокадный помощник по кличке Джульбарс!

* * *

Мне хочется порою хлеба взять
И со стены солдатский «сидор» снять,
Чтоб доверху буханками набить
И на машине времени уплыть
На зимний Невский, в Сорок Первый год,
Где смерть из-за угла по людям бьет...

Хотя бы раз по Невскому пройти,
Блокадников хоть нескольких спасти,
Хоть несколько голодным хлеб отдать...
Но на машине времени летать
Я не добился права у судьбы...
И волокут по Невскому гробы...

Блокада скалит зубьев черный ряд:
«Смотри, как умирает Ленинград!
Но ты на шабаш мой не попадешь
И ленинградцам хлеб не донесешь!
Тебе ко мне дороги не найти:
Закрыли смерть и вьюга все пути!».

Я знаю. Полстолетья позади...
Но только шепчут мертвые: «Приди!
Хотя б одну буханку принеси,
Из нас хотя б немногих воскреси!».
И я сквозь бездну времени твержу:
«Иду! Вот только «сидор» завяжу!...».

* * *

Боль моя – чужая память,
Мука, ненависть и злость...
Нет, в сугробы грузно падать
Мне в блокаду не пришлось,

Не пришлось дрожать над хлебом
В угол загнанным сверчком
И смотреть в сырое небо
Мертвым матовым зрачком,

Не пришлось познать обстрелы,
В смерти зеркало дыша...
Не пришлось...Так в чем же дело?
От чего саднит душа?..

Те виденья воскрешая
Бликом Вечного огня
Видно, память та, чужая,
Ожила внутри меня...

ПРОТИВОТАНКИСТ

Твой расчет под огнем полег –
Ты его в расчет не бери...
И расклад у тебя, браток –
Два снаряда, а танков – три...

Ты к прицелу припал лицом
И дыханье зажал в груди...
Смерти вертится колесо –
Танков – два, а снаряд – один...

Бой короткий – да будет так,
Покоробился белый свет...
Вот второй загорелся танк,
Но снарядов уж больше нет...

С третьим ты – один на один,
И из горла – лишь хриплый мат...
Но петь Лазаря погоди –
Есть ведь связка еще гранат...

Из окопа ты с ней шагнул –
Будто фляжечку опростал...
Взрыв под небо тебя метнул.
Третий танк, задымившись, встал...

Был рубеж твой до боли мал –
С полкраюхи родной земли,
Но ты насмерть на нем стоял –
Вот и танки тут не прошли...

* * *

У Тереспольских – бой, у Трехарочных – бой,
И в казармах разбитых живого нет места.
Что ж, товарищ, нам выпало драться с тобой
На развалинах крепости старого Бреста...

От рассвета того мы не ждали беды...
В волнах Буга спокойных луна отражалась...
А теперь – где б добыть пулеметам воды?
И в винтовках по паре патронов осталось...

Эх, воды бы хлебнуть... Только рядом враги...
В жизнь – вот ту, без войны – и не верится даже...
Ничего... Вот, сейчас мы ударим в штыки...
Тех отбросим к костелу, а может, и дальше...

У Тереспольских – бой, у Трехарочных – бой...
Медальоны едва ль сохранят даже имя...
Что ж, товарищ, прощай, мы погибнем с тобой...
Но останемся в крепости – вечно живыми!..

* * *

От кирпичного злого праха
Снова в горле будет першить...
Вот, отбита еще атака...
Как до следующей дожить?..

Без воды воевать непросто –
Не попьешь ведь ни кровь, ни пот...
Но дерется Центральный остров,
Но дерется Восточный форт!

И на сердце полегче стало,
Хоть глаза застилает кровь –
Там, в руинах погранзаставы
Пограничники бьются вновь...

Здесь задача одна – лишь драться,
И пускай все меньше живых,
Только крепость будет держаться –
Даже силой мертвых своих!..

Да, они зов в атаку слышат
И с живыми вперед идут...
Это в книжках неправду пишут,
Будто мертвые не встают...

ТА...

Екатерине Павловой.

Вот бой утих... Сквозь дыма пелену
Луч солнца тронул мятые петлицы,
И мир вдруг погрузился в тишину,
И сердце стало медленнее биться...

И память зазвучала звонко в нем,
Заставив властно душу встрепенуться,
И в жизнь, не опаленную огнем,
Позволив на мгновение вернуться

И вспомнить ту, единственную, ту,
Что счастьем стала для тебя когда-то,
Чей образ, будто светлую мечту,
Несешь в себе сквозь бури и утраты,

И вспомнить взгляд, лучистый и родной,
Тебе светящий доброю лампадой,
Который, вместе с этой тишиной
Царит над смертью светлой жизни правдой!

И, автомат в сторонку отложив,
В мгновение осознаешь в полной мере:
Ты потому сегодня снова жив,
Что та все ждет тебя, любя и веря...

КОГДА В ПОХОД УХОДИТ ЛОДКА...

Капитану 3 ранга С.А. Лазареву.

Команды четкие звучат,
На лоб надвинута пилотка,
И командира голос тверд,
И экипаж – одной семьей.
И даже чайки замолчат,
Когда в поход уходит лодка,
И Бог морской кулак сожмет,
Чтоб вновь вернуться вам домой.

Вода, объятиям подстать,
Опять борта сжимает плотно,
А вам в пучинах вновь кружить,
Чтоб моря не отдать врагу.
И остается женам ждать,
Когда в поход уходит лодка –
Ведь для подводника не жизнь
Простая жизнь на берегу...

Старпом по первой вам нальет
За тех, на ком во мгле холодной

Мы друзей хоронили в молчаньи, без слез,
Каменя от ярости адской,
А во сне снова видели листья берез,
Что кружат над родной Петроградской...

Мы забыв о себе, выполняли приказ,
Мы поблажек себе не просили...
Так поднимем же тост, офицеры, за нас
И за мирное небо России!

ДЕСАНТНИКИ

Для них нигде преграды нет –
Что лес густой, что топкий берег,
Ведь голубой носить берет
Страна не каждому доверит!
Везде огнем громить врага –
На горных кряжах и равнинах!
Ведь есть десантные войска
И нет задач невыполнимых!

В бою законом – лишь приказ,
Десанту лишь вперед дорога! –
Таков маргеловский наказ,
И чтит его десантник строго!
Везде огнем громить врага –
На горных кряжах и равнинах!
Ведь есть десантные войска
И нет задач невыполнимых!

Прошли нелегкий путь они,
Везде дрались, не отступая,
В горах Афгана и Чечни
Свой долг достойно выполняя!
Везде огнем громить врага –
На горных кряжах и равнинах!
Ведь есть десантные войска
И нет задач невыполнимых!

Они в бою не погрешат,
Из-под беретов глянув хмуро...
Ведь там, где камни задрожат,
Там встанет насмерть десантура!
Везде огнем громить врага –
На горных кряжах и равнинах!
Ведь есть десантные войска
И нет задач невыполнимых!

Артиллерийский Тост

Пусть небогаты офицерские столы –
Здесь жизнь не меряют обыденной ценой...
Я пью сегодня за скрещенные стволы,
За славный символ артиллерии родной.

Я пью сегодня за российских пушкарей,
Чьи пушки миру гарантируют покой,
За клич: «Огонь из сотен тысяч батарей!»,
Что стал припевом песни самой дорогой...

Я пью за тех, кто под огнем друзей терял,
Но не сдавался, болью согнутый в дугу,
За тех, кто молча на лафетах умирал,
Снаряд последний выпуская по врагу!..

За вас, ребята, не шагнувшие назад
Перед лавиной грозной вражеской брони,
За тех, кто крепко под надгробиями спят
На всем пространстве от Берлина до Чечни...

Ну что ж, за вас, артиллеристы, пью до дна,
За вашу славу, пронесенную в боях,
И за Россию – ведь она у нас одна,
За то, чтоб ей несокрушимой быть в веках!

Артиллеристом нужно стать

Полковнику В.М. Крылову

Курсантский строй идет рядами дружными,
И ты в строю – подтянут и плечист.
Мальчишкой днем и ночью бредил пушками,
А нынче сам – курсант-артиллерист.

Припев:

И в этот миг невольно вспоминаются
Слова, верней которых не сыскать:
«Артиллеристом, братцы, не рождаются.
Артиллеристом, братцы, нужно стать!».

Совсем недавно ты матчасть учил еще
И собирал на время автомат,
И вот – прощай, родимое училище,
И в добрый путь, товарищ лейтенант!

Припев.

Проселков пыль, леса непроходимые –
Да, нелегка военная судьба...
Над полигоном залпы орудийные –
И на «отлично» вновь сдана стрельба!

Припев.

Пускай виски уж годы снегом замели,
Но в буднях службы думать ли о том?
Вот сыновья в строю курсантском замерли,
Готовы вновь идти твоим путем!

Припев:

И в этот миг невольно вспоминаются
Слова, верней которых не сыскать:
«Артиллеристом, братцы, не рождаются.
Артиллеристом, братцы, нужно стать!».

КАДЕТСКИЕ ПОГОНЫ

На черной форме – красные погоны.
Ах, как же вы изящны и легки!
Не раз мы вспомним – пусть проходят годы –
Веселые кадетские деньки!

Пусть лет пока нам стукнуло немного –
Нас много ожидает впереди.
Эх, нелегка кадетская дорога –
Начало офицерского пути!

Пусть генералом станет и не каждый,
Но нам судьба – идти в одном строю.
А главное, ребята, что однажды
Мы все влились в кадетскую семью.

Мы в срок свои получим аттестаты –
Заметная из многих жизни вех.
России нашей юноши-солдаты –
Клянемся ей быть верными навек!

Нам суждено по выпуску расстаться.
Конечно, жаль, но это не беда!
Кадетское святое наше братство
Всех нас объединило навсегда!

Сведения об авторах

ГУЛЯЕВ Юрий Николаевич (1938–1999), полковник в отставке, кандидат военных наук, старший научный сотрудник, работал в музее с 1992 по 1999 гг.

КОПАНЕВ Борис Алексеевич (1940–2009), заведующий передвижной выставкой, работал в музее с 1972 по 2007 гг.

ЛАСКОВЫЙ Григорий Алексеевич, младший научный сотрудник, работает в музее с 1980 г.

МАЛЫШЕВ Виктор Николаевич, художник-реставратор, работает в музее с 1982 г.

МОРОЗОВА Валерия Викторовна, член Союза писателей России и Союза писателей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, младший научный сотрудник, работает в музее с 2003 г.

ТУМАНОВ Виталий Ефимович (1930–2003), полковник в отставке, старший научный сотрудник, работал в музее с 1989 по 2003 гг.

УШАНОВА Ирина Сергеевна, музейный смотритель, работала в музее в 2008–2014 гг.

ЮРКЕВИЧ Евгений Иванович, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, работает в музее с 1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Юрий Гуляев	
Баллада об Артиллерийском музее	5
Романс русского офицера	6
Виталий Туманов	
Бомбардиры российские	7
«Сегодня праздник всех мужчин...»	10
Борис Копанев	
«Я верю, что наступят времена...»	11
Ирина Ушанова	
Эхо войны	12
Боль войны	12
«Август Сорок первого года...»	13
У братской могилы	14
Саласпилс	14
На войне, как на войне	15
Медали	16
Солдат-освободитель	16
«Отгремели военные грозы...»	17
Григорий Ласковый	
Горжусь вашим подвигом	18
Виктор Малышев	
Памяти отца	20
Валерия Морозова	
О войне	
О сыне	21
«Я время намеренно в речь облекла...»	21
Это Блокада	22
И это – Блокада	23
«За эту войну не вполне отомщен...»	23
Война	23
«...Вот мы, рядовые военные вдовы...»	24
Письмо из войны	24

Евгений Юркевич

Баллада о музейном хранителе	25
«Когда леса в огне листву теряли.....»	26
Мальчишка с Пулковских высот.....	27
Это мы, Господи!.....	28
«Коптилка погасла...».....	29
«Я мало помню: холод, тишина...»	30
«Прорыв блокады»	31
Подушка	32
Джувльбарс.....	33
«Мне хочется порою хлеба взять...»	34
«Боль моя – чужая память...»	35
Противотанкист	35
«У Тереспольских – бой, у Трехарочных – бой...»	36
«От кирпичного злого праха...»	37
Та... ..	37
Когда в поход уходит лодка... ..	38
Зенитчики.....	39
Десантники	40
Артиллерийский тост	41
Артиллеристом нужно стать.....	42
Кадетские погоны	43
Сведения об авторах.....	44

ВОЙНА. ПОБЕДА. ПАМЯТЬ. Стихи

ВОЙНА. ПОБЕДА. ПАМЯТЬ. Стихи. – СПб.: ВИМАИВиВС,
2020. – 48 с.

Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи
197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, д. 7
Тел. (812)498-09-34
www.artillery-museum.ru

